

ОНЕЙРОНАВТИКА И СОВРЕМЕННЫЙ ОНЕЙРИЧЕСКИЙ РОМАН (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. БОДЯГИНА «МАШИНА СНОВ»)

Наталья Анатольевна Нагорная

Независимый исследователь, Белгород, Россия

e-mail: nagor95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роман современного российского писателя Максима Бодягина «Машина снов» с точки зрения онейронавтики. Приводится краткая история изучения осознанных (люцидных) сновидений в западной трансперсональной психологии. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к изучению этого феномена. Нарративная стратегия Бодягина направлена на сращивание исторических деталей с элементами альтернативной истории, бытового и исторического – с фантастическим и онейрическим. Герой романа Марко Поло изображен великим сновидцем, обладающим уникальным даром путешествий по слоям онейрической реальности, по чужим снам. Это авторская «версия» реального исторического прототипа героя. Особую роль в романе играет образ «Машины снов», которая одновременно выступает как средство транспортировки сознания в мир снов и как одушевленный персонаж. Делается вывод, что анализируемый текст преодолевает рамки условно-исторического романа и выходит на уровень онейрического романа.

Ключевые слова: осознанные (люцидные) сновидения, онейронавтика, онейрический роман, Машина снов, Максим Бодягин.

По-гречески «oneiros» – сновидение. Сновидения давно и прочно вошли в образную систему различных искусств («сон» и «сновидение» употребляю в стилистических целях как синонимы, подразумеваемая именно «сновидение»). Не подлежит сомнению значимость онейросферы и самих онейрических текстов в мировой художественной практике, сон как жанр, предмет описания и прием повествования – явление достаточно распространенное в литературе. Осмысление сновидений в художественной прозе XX–XXI вв. не может обойтись без междисциплинарного подхода к их изучению, поскольку многие, созданные с помощью авторской фантазии, литературные сновидения являются производными от сновидений человеческих. Такие онейрические тексты сочетают в себе попытки авторов-сновидцев «задокументировать», зафиксировать содержание снов сначала в рассказах о сновидениях, потом в дневниковых записях, с работой писательского воображения, с литературной обработкой сновидений. Таким образом, сновидение «реальное» превращается в художественный текст, в факт литературы. Все зависит от того, какой писатель и с какой целью включает сны в свои произведения. Сновидение как виртуальная метареальность имеет пограничный характер, своими гранями соприкасаясь с различными областями научного и творческого знания.

Сны заняли свое законное место в гуманитарном научном дискурсе. В корпусе психоаналитических трудов определены подходы к изучению феномена сновидений как явления человеческой психики, в свете бессознательного (З. Фрейд), сознания и процесса индивидуации (К.Г. Юнг). Аналитическая психология юнгианской и постюнгианской школы продолжала размышлять о природе сновидений. В трудах ученых тартуско-московской семиотической школы, прежде всего Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, был задан вектор исследования снов как особого языка сообщения, онейрического кода, с помощью которого можно дешифровать послания от таинственного «другого». Метафора «сон – семиотическое окно», положенная в основание одноименной статьи Ю.М. Лотмана из его книги «Культура и взрыв», дала почву для целого каскада культурологических толкований снов в среде семиотиков, филологов, искусствоведов¹.

Интерес к изучению литературных сновидений породил уже целую когорту современных литературоведов, изучающих онейрическую прозу. В литературоведческих исследованиях конца XX – начала XXI вв. выработан научный инструментарий для анализа лите-

¹ Междисциплинарный сборник материалов «Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI Випперовские чтения» (М., 1993) был и остается весьма востребован специалистами.

ратурных сновидений, определены основные термины поэтики сновидений: онейросфера, онейрический хронотоп, онейрический персонаж, онейрический мотив и др.¹

Несмотря на все сказанное, особая категория снов – так называемые осознанные сновидения – достаточно редко попадают в центр внимания писателей, а значит, критиков и литературоведов. Синонимами являются «люцидные», «сознательные», «управляемые», «контролируемые», «прозрачные», «ясные», «преднамеренные» сновидения. Сами практикующие именуется также «сновидящими», «дримерами», «ОСами» (аббревиатура от «осознанного сновидения»),

¹ Подробнее историю вопроса можно посмотреть в моей монографии: Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. М., 2006. Выделю здесь монографию Б.С. Кондратьева «Сны в художественной системе Ф.М. Достоевского. Мифологический аспект» (Арзамас, 2001), которая исследует сны как мифологическую систему в мифопоэтике Достоевского, анализирует онейрические традиции (романтическую, религиозно-мифологическую, национально-культурную). Термины, которые употребляет Б.С. Кондратьев: сновидческая мифопоэтика, сновидческий миф, роман-сон – вошли в употребление в литературоведческой онейрологии. Только «сновидческая мифопоэтика» трансформировалась в «онейропоэтику», а «роман-сон» стал называться «онейрическим романом». Большая работа по сбору и уточнению терминологии, а также для построения методологии изучения литературных сновидений и анализа онейрического текста проделана В.В. Савельевой в ее монографии «Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей». Алматы, 2013.

«онейронавтами», «гипнонавтами». В таких снах сновидец может понять, что видит сон, контролировать онейрические события и ситуации, управлять своим психологическим состоянием и аудиовизуальной картиной сна.

Разработавший свою трансперсональную методику Кеннет Келзер дает такое определение осознаваемому сну: «Осознаваемый сон – это измененное состояние сознания, происходящее в рамках обычного сна» [Келзер, с. 217]. Для уточнения автор прибегает еще к ряду характеристик: «ясность», «энергетический сдвиг», «подъем сознания», «расширение, пробуждающее сознание». Осознаваемость понимается им как сознательная возможность чувствовать себя хозяином сновидения, как активное вмешательство в ход сюжета сна, осознание того, что это сон, но при этом никак не возможность контролировать само возникновение мира сновидений и своих личных переживаний.

«Онейронавтика» (по аналогии с космонавтикой, астронавтикой, акванавтикой) – искусство видеть осознанные сны и набор инструкций для навигации по сновидениям такого рода. «Онейронавты» занимаются психотехниками, ориентированными на расширение сознания, для сознательных и целенаправленных путешествий во сне, осознание состояния сна, что позволяет искателям необычных ощущений путешествовать по своему внутреннему космосу, попадать в другие измерения и эпохи. Сознание таких практи-

кующих остается бодрственным в состоянии физиологического сна, способно к аналитической и оценивающей деятельности.

Онейронавтика привлекла к себе внимание пользователей Рунета. Последние 15 лет различные сообщества «онейронавтов» активно обсуждают эту тему. Вот как определяется понятие «онейронавт» на одном из многочисленных сновидческих интернет-ресурсов: «Онейронавт (или сновидящий) в широком смысле – это человек, который видит сны и исследует свои сновидения. В более узком эзотерическом понимании – это тот, кто специально развивает свои сновидения в соответствии с тем или иным учением, духовной системой, а также человек, обладающий способностью находиться в своем сновидении с полным дневным сознанием. Онейронавт – это ночной космонавт, исследующий нематериальную, а иногда и физическую вселенную» [Wapsonnic].

Диапазон осознанных снов весьма широк, от уникальных, сходных с религиозными переживаниями и творческим экстазом, внутренних опытов до повседневных когнитивных задач, с которыми помогают справиться такие сны. Выход сновидений из пограничной области бессознательного сначала в осознаваемость, а затем, возможно, и в сверхсознание стимулирует исследователя изучать этот феномен на стыке психологии и медицины, филологии и семиотики, духовных и креативных практик, истории и футурологии.

Проблема осознаваемых сновидений изучается в трансперсональной психологии. Впервые термин «осознаваемое сновидение» введен голландским психиатром Фредериком Ван Эденом в 1913 г., а внимание современных ученых привлекла к нему книга Селии Грин «Осознаваемое сновидение» (1968). «Прозрачные», или «люцидные», сновидения, по наблюдениям американского исследователя осознанных сновидений, доктора психологии Стивена Лабержа, близки к гипнотическим, но имеют когнитивную функцию. Это – «бодрствование во сне», наполненное символами света, духовной инициации, свободой и творчеством, причем свет символизирует сознание: «Light is a very natural symbol of consciousness» [LaBerge 1985, p. 114].

Лаберж ввел в обращение и само популярное ныне слово «онейронавт» в своей книге «Осознанные сновидения» (1985). Здесь и в последующих книгах («Практика осознанного сновидения», «Исследование мира осознанных сновидений») он опирается на ряд источников, в том числе на исследования и экспериментальные данные Лаборатории Сна при Стэнфордском университете, учения тибетских сновидящих йогов и исследования немецкого психолога Поля Толи, изучавшего этот феномен на протяжении двадцати лет.

В 1960-х гг. на стыке медицины и психологии на Западе формируется наука о снах – онейрология. Тогда же появляются трансперсональные техники работы со снами. Но-

вейшие исследования по трансперсональной психологии предлагают своеобразные методики «вынашивания сновидений» и управления сновидениями, в результате которых возникают уже рассмотренные выше «прозрачные» сновидения. Их отличает воздействие на события сна волей, сохранение бодрствующего сознания во сне, осознание самого факта сна, представления человека остаются такими же, как и в обыденной жизни, но способностей и возможностей становится неизмеримо больше.

В 1980-х в США создаются крупные центры по изучению снов, в которых идет работа со сновидческими практиками. В Стэнфорде под руководством Стивена Лабержа образован Институт люцидных снов (The Lucidity Institute), в котором разработаны методики управляемых снов. В 1979 г. Лаберж экспериментально доказал, что осознаваемые сновидения, как и обычные сны, возникают при так называемой парадоксальной фазе сна, называемой также «быстрый сон», REM (rapid eye movement) или БДГ (быстрые движения глаз).

Как известно, сновидения возникают периодически во время биологического сна организма человека, от четырех до шести раз за ночь, и сопровождаются быстрыми движениями глаз. Это открытие было сделано еще в 1952 г. американским психологом Н. Клейтманом. Фаза БДГ теперь зачастую называется просто «фазой». Открытие фазы «парадок-

сального» сна значительно продвинуло вперед науку о сновидениях, физиология теперь пересеклась с психологией. Американский психолог С. Криппнер единство психологии и физиологии распространил на измененные состояния сознания. Психофизиология, с его точки зрения, является операционным подходом к исследованию сознания, состояний сна со сновидениями, медитации, гипноза [Krippner, p. 658–667].

Лаберж ввел термины, обозначающие «Я» сновидца: «sleeping body» (спящее тело, от «sleep» – спать), «dream body» (сновидческое тело, от «dream» – грезить, мечтать, фантазировать), а также «dream actor», «dream observer», отражающие качества действующего и наблюдающего сновидца соответственно. Для осознанного сновидения он употребляет термины «lucid dreamer» (люцидный сновидец), «lucid dream ego» (люцидное сновидческое «Я»). Это комбинация действующего и наблюдающего эго. Лаберж употребляет и оккультные термины «астральное тело», «астральная проекция», «дубль», «фантом». Для унификации он называет все это «the dream body» (сновидческое тело), поясняя, что это – «ментальная репрезентация», или образ, реального физического тела: «This dream body is our mental representation of our actual physical body» [LaBerge 1985, p. 219]. Из англоязычных наименований на русской почве прижились транслитерированные наименования «слипер» и «дример» для обозна-

чения спящих и сновидцев соответственно. В терминологии Лабержа о сновидящем теле следовало бы говорить: «lucid dream body».

Лаберж считает, что отличительной особенностью осознанных сновидений является ощущение гиперреальности, возникающее от увиденного во сне и от удивительных возможностей ума. Но надо сделать поправку: созидательные это возможности или разрушительные – зависит от наклонностей самого сновидящего.

Среди пионеров внетелесного опыта (ВТО) находится также Роберт Монро, американский исследователь внетелесных переживаний в осознанных сновидениях, создавший в 1971 г. Институт Монро, разрабатывающий программы по адаптации человека к внетелесным переживаниям, а также обучающие программы по синхронизации деятельности полушарий головного мозга. Монро написана трилогия, давно ставшая бестселлером среди «сновидящих»: «Путешествия вне тела», «Далекое путешествие», «Окончательное путешествие». Здесь он представил результаты собственных экспериментов и работы его экспериментальной группы, выделив слой погружения в себя, составив «карту» нефизических реальностей и маршрут движения по «магистральной», ведущей в иные измерения. Так, он различает слой памяти, слой страха, эмоциональный слой, барьер привязанностей к миру земной жизни и системам представлений, хранилище прошлых воплощений

и переживаний, «Изначальное Я». Монро пишет о знании истины в осознанном сне: «<...> странное, поразительно ясное понимание того, что спишь, осознаешь свой сон и испытываешь во сне чувства – и в то же время бодрствуешь. Продолжаешь пульсировать тем, что остается за пределами сна» [Монро, с. 216].

Кроме книг Лабержа и Монро, «каноническими текстами» для онейронавтов являются книги Карлоса Кастанеды, особенно «Искусство сновидения», но это отдельная тема, и здесь я ее подробно освещать не буду. Осознаваемые сновидения изучались Оливером Фоксом, Сильваном Мульдоном, Патрицией Гарфильд и другими онейронавтами, имеющими личный опыт такого рода. Все они отмечают осознание сновидящим особого тела (которое называется по-разному: «тело сновидения», «энергетическое тело», «астральная проекция», «тенивая проекция», «двойник», «дубль» и др.), способность онейронавта контролировать его и совершать недоступные наяву действия, такие, как полет, парение в воздухе, проникновение через плотные предметы и т.д., что приводит его к пониманию, что все происходит во сне. Люцидное сновидение маркируется обилием «световых эффектов»: солнечного, лунного, звездного света. Этот свет появляется всюду: в воздухе, на земле, под водой, его излучают глаза человека и животных, предметы, что приводит сновидца к «пиковым пережива-

ниям», мистическим прозрениям.

От краткой истории вопроса в трансперсональной психологии перейдем теперь к онейронавтике в современной художественной прозе. Труд автора, описывающего неуловимые состояния сознания, без всякого сомнения, огромен. Здесь нужен язык новой образности, точно схватывающий, передающий и закрепляющий на «дневной стороне разума» его «ночные» путешествия и приключения. Весь арсенал накопленных веками художественных средств тут может оказаться бессилён. Писатель должен быть мастером литературной психологии, которая, по словам американского исследователя Леона Эделя, исследует превращение бессознательного материала в его сознательную литературную обработку: «It is an attempt to study the metamorphoses of the unconscious materials of literature art in to consious image and symbol; and the metamorphoses of fancy into the finished work shaped by language and tradition» [Edel, p. 42].

Интересное, качественное, поистине новаторское онейрическое повествование по плечу только большим литературным мастерам. Мало того, желательно, чтобы они сами имели онейрический опыт, были сновидцами не только в творчестве, но и в жизни. Это особый редкий дар, поэтому онейрических художественных текстов в чистом виде до сих пор так мало, зачастую они дают ощущение «сделанности» и «сочиненности».

Отношение к снам как к знаковому явлению современной культуры во многом сформировано классиками XX в. (Г. Гессе, Х.Л. Борхес, У. Эко, В. Набоков, В. Брюсов, А. Ремизов, М. Булгаков, А. Кондратьев и др.) и нашими современниками (М. Павич, П. Коэльо, Х. Мураками, В. Пелевин и др.). Новейшие психоделические тексты окончательно утвердили права онейрической прозы в художественной литературе. Современный литературный процесс, включающий в себя и сетевую литературу об осознанных сновидениях, достаточно перспективен для онейрического анализа. Действие в онейрических романах о люцидных снах происходит в онейрическом хронотопе, а онейронавтика как сновидческая техника влияет на картину мира персонажей и становится ее доминантой.

Современные практикующие сновидцы направляют свои усилия на освоение новых территорий сновидений, сны «осваивают», составляют карты их «местностей», как в эпоху великих географических открытий. И эти открытия становятся сюжетной канвой новейшей онейрической прозы, ярким образцом которой служит роман «Машина снов» Максима Бодягина (2012).

Далее речь пойдет о самом романе М. Бодягина, который критики отнесли к жанру исторического романа и к фэнтези, но сам автор категорически против таких определений. Он считает, что написал роман-квест,

полный героических и сверхчеловеческих приключений, книгу о любви и взрослении. В одном из интервью писатель (а также журналист и блогер-тысячник) признается: «Однозначно определить жанр “Машины снов” нельзя. Так получилось, что все ее воспринимают по-разному. Но это абсолютно точно не фантастика, хотя антураж фантазийный, обстоятельства вымышлены. Но это потому, что мне хотелось сделать героя масштабно-функционального, который действительно мог бы спасти мир. Ну, вот и спасает. Это классический квест: вышел герой из дома и пошел подвиги совершать. Встречает на своем пути разные приключения и волшебных помощников» [Машина снов Максима Бодягина].

Между тем, это и онейрический роман, где сны (причем осознанные) являются сюжетной канвой, формируют характер главного героя, выходят на первый план, становясь не традиционной «второй реальностью», а первой и главной. Маги и воины, буддийские монахи и даосы, красавицы и чудовища, бессмертная любовь и повседневный секс, кутежи, драки, убийства, предательство – все смешалось в этом «кровавом» и в то же время полном лирики романе. Его основная тема, на мой взгляд, – это все же не дворцовые интриги средневекового Китая и не дружба-вражда главного героя Марко Поло с разучившимся видеть сны основателем династии Юань ханом Хубилаем, а онейронавтика.

Марко изображен великим сновидцем, обладающим уникальным даром путешествий по слоям сновидческой реальности и по чужим снам. Годы жизни исторического Марко Поло покрыты мраком неизвестности, и это дает простор воображению М. Бодягина. Приемным сыном и посланником при дворе императора средневекового Китая – Хубилая – Марко становится по воле «великого хана». Кровавый и деспотичный властелин, потомок Чингиз-хана, и хрупкий онейронавт, вынужденно участвующий в его интригах и сражениях, их непростые отношения, притяжение и отталкивание – такова основа конфликта романа.

Обучение искусству осознанных сновидений в романе органично вплетается в историю взросления неординарного героя-иноземца. Автор анализирует процесс становления героической личности не просто средневекового Брюса Ли, а подлинного воина духа, творца истории, мага-сновидца, онейронавта («гипнонавта», по М. Бодягину). Это дает особый эффект в повествовательном плане. Бодягин использует собственную нарративную технику, в которой исторические элементы повествования дополняются элементами альтернативной истории индивидуально-авторского «извода», бытовое и историческое сращиваются с фантастическим и онейрическим. Нарративная стратегия Бодягина направлена на преодоление рамок условно-исторического романа.

Романное событие полифонизируется, приобретает множество интерпретаций, в зависимости от точки зрения персонажа и протекания в разных повествовательных планах романа. Автор моделирует многоуровневую экзистенциальную реальность. Поэтому главный герой романа – это авторский образ, а не историческая фигура.

Вслед за В. Пелевиным автор обращается к двум истокам онейрических техник: буддийской и кастанедовской. Та и другая в своей ритуальной практической части уходят корнями в древний шаманизм. Время условного средневекового Китая в романе как раз этому соответствует. Ю.М. Лотман подчеркивал: «Совершенно очевидно, что архаический человек обладал гораздо большей культурой сна, то есть, вероятно, видел сны и запоминал их гораздо более связанными. Нельзя забывать и того, что шаманская культура, бесспорно, обладала техникой управления снами, не говоря уже о системах их связных пересказов и интерпретаций» [Лотман, с. 123].

Что касается описаний мира «тумана», текучего «нижнего моря играющих теней», из которого Марко лепит, как скульптор, образы сна и оживляет их, то тут преобладает кастанедовская традиция. Хотя наделение «тумана» антропоморфными признаками – буддийского толка, в том смысле, что в загробном реве голосов угадываются звуки из буддийских областей голодных духов и де-

монов. Голоса концентрируют какую-либо эмоцию: ярость, жажду в чистом виде. Марко плывет-летит в пограничной области, между «двумя океанами сна» (или морями сна, это варьируется у автора): нижним морем тумана и верхним морем забвения, и этот полет всякий раз, при вхождении в осознанный сон, доставляет ему радость, освобождая от материального тела. Мир снов имеет свои отличительные признаки: «живой» туман и «живой» песок. Туман во снах Марко, бывает, реползает по ночам в мир яви, и тогда его могут видеть все. А струйки песка, танцующие у ног Марко, всегда видны людям.

Самый прямой основополагающий источник для онейронавтов – древняя тибетская «Йога сна», данная индийским йогом Наропой. Наиболее известна она в составе учения «Шести Йог Наропы», хотя современные буддийские ламы дают ее своим ученикам как отдельную духовную практику. «Йога Сна» является одним из классических буддийских трактатов с описанием методик работы с умом. В соответствии с буддийской философией, реальность человеческого бытия равна реальности его сознания, состоит из ночных и дневных снов, «снов наяву». Реальный мир – все та же деятельность ума по созданию сновидений. Сны используются для пробуждения от призрачности жизни, для освобождения от пагубных привязанностей и страстей, главные из которых –

неведение, алчность, гнев. Практикующий должен развить в себе решимость сохранять неразрывной целостность сознания как в бодрствовании, так и в состоянии сна, чтобы предотвратить рассеивание содержимого сна. Фактически, это и есть контролируемые сновидения, постигая которые ученик приходит к пониманию единства сансары и нирваны, истинной природы вещей.

Умение «плавать во снах» пришло к Марко с помощью особой «машины снов», построенной совместно с учителем Марко, тибетцем Шерабом Тсерингом, по заданию Хубилая. Императорский лекарь Шераб Тсеринг был сыном тибетского мага нгагпа, но он не пошел по черному пути колдовства во имя разрушения, а использовал свои знания в магии и тибетской медицине на благо людям.

Попробуем разобраться, что такое сама «машина снов» и почему именно машина? Речь не идет о применении в романе приема «бог из машины» («Deus ex machina»), неожиданно и целиком разрешавшего все конфликты древнегреческой трагедии. Разве что неожиданное вмешательство в ход действий сына Хубилая Чин Шина, могущественного мага и сновидца, делает его своеобразным «богом из машины». Да языческий демон, которому служит соратник и главный охранник Хубилая, считая его своим «богом», появляется не без помощи машины снов. Можно вспомнить «машину сновидений»,

изобретенную Йеном Sommerwillem с подачи Уильяма Берроуза. С помощью световых вспышек во вращающемся цилиндре этот аппарат вводил желающих в гипнотическое состояние и погружал их в сон. Вспоминаются также приборы доктора Лабержа, выпускаемые его Институтом люцидных снов, предназначенные для искусственного вызывания осознанных сновидений («Дримлайт» и «Новадример»), фиксирующие парадоксальную фазу сна. Эти приборы должны помочь сновидцам в осознании своих снов.

Различные прототипы машины снов в реальной жизни имеются. Но в таком виде, как машина снов описана в романе, она является художественным изобретением Бодягина, на который он вправе оформить свой авторский патент. Этот, можно сказать, персонаж романа, своеобразный голем – удивительное создание людей, обладающих тайными знаниями о снах. Машина помогает путешествовать по мирам снов, позволяет посещать чужие сны и проводить других этими маршрутами. Бодягин использует прием олицетворения, описывая машину, наделяет жизнью и даже гендерным сознанием механизм. Скучного умом стражника Чжао Полосатого, пытающегося изнасиловать машину, как непокорную женщину, она просто убивает, а опытного сновидца Марко она, как мать и возлюбленная, баюкает на своем ложе и переносит в мир чудесных грез. Автор использует витающие в воздухе идеи искусственного разума.

Покрытая магическими камнями и волшебными буквами, машина снов вибрирует, дышит, светится и оживает, будто Галатея под рукой Пигмалиона. Иероглифы, начертанные на машине – это «язык сумерек, тайный код, открывающий путешественнику карту других миров». Сама по себе машина снов нейтральна, как и любая сила, но для одних она становится благом, для других – злом.

Борьба в романе Бодягина идет за саму машину, ключ к ней, за дверь – проход между мирами. То есть, по сути дела, за власть, уже не в одном «реальном», а во многих «призрачных» мирах. Хубилай в финале романа тоже оказывается онейронавтом, которого погубила непомерная гордыня и властолюбие. Машина становится опасным оружием, а сам Марко – ключом от двери в другие миры, в том числе в мир призраков, наводнивших привычную явь.

Тут уместно вспомнить ранний рассказ В. Брюсова «Теперь, когда я проснулся...» из книги «Земная ось. Рассказы и драматические сцены» (1901–1906). Главный персонаж, сновидящий-маньяк, совершает убийство своей жены в состоянии осознанного сновидения. Брюсов впервые в русской литературе напрямую заговорил об опасностях онейронавтики (до него были теософы, но это отдельная тема), о том, что возможности этого искусства могут быть использованы отнюдь не в благих целях, все зависит от самого сновидца.

Марко принадлежит сразу нескольким мирам, это пограничный персонаж. Он несет с собой неведомое и опасное знание, угрожающее безопасности обывателей, поэтому его сторонятся и боятся, как избранного или изгоя. «Лунный человек», «Убийца с Луны» – такие прозвища дают сновидцу и его двойнику жители столицы империи, прочно связывая его образ не только с бледным цветом кожи, нетипичным для «желтой» расы, но и с самой Луной, покровительницей снов и магии. Обычные люди, китайцы и монголы, боятся смотреть в глаза Марко: из-за их цвета, из-за того, что, в конечном счете, он смотрит на мир глазами Луны, «глазами сна». «Глаза сна», «сон тумана» – удачные метафорические находки Бодягина.

Один из немногих положительных персонажей романа – старик-библиотекарь – говорит Марко, что тот – гипнонавт, «навигатор мира снов», «странник, прокладывающий фарватер в туманном мире лунных теней». Как режиссер, Марко сам создает «сценографию сна», т. е. сны со всеми их декорациями. Это типичная сила мысли и воли онейронавта. Для встречи в сновидении с библиотекарем он творит библиотеку с привычной обстановкой для лежащего в коме (в реальном времени) старика.

Еще один «гипнонавт» романа – сын Хубилая Чиншин. Отказавшийся от жизни как таковой, но не умерший, а оставивший на много лет свое тело под присмотром своих

подданных, Чиншин как бы раздвоился и наблюдал за своими родственниками из странного состояния не-жизни и не-сна, принимая «оттуда» участие во всех дворцовых интригах. Встретившись в совместном осознанном сновидении с Марко, он беседовал с ним о магии сна. «С одной стороны, сон – это то, что доступно любому смертному. С другой, если у тебя нет природного дара к этой магии, ты не станешь гипнонавтом. Кто-то умеет видеть такие пророческие сны, как мой отец. А кто-то умеет действовать во сне. И людей из такой категории неизмеримо меньше» [Бодягин, с. 374].

В массмедиа появляются сообщения о том, что с помощью современных технологий уже можно воспроизвести содержание снов на мониторе компьютера, но пока такие исследования находятся в своей экспериментальной фазе. Сны, по большей части, все еще остаются областью сугубо частной, сновидцы смотрят «кино для себя», доступными для других делаются не сами сны, а лишь тексты с описанием снов. Будучи опубликованными, тексты снов становятся частью фантастической или эзотерической литературы. Вокруг темы люцидных снов скопилось много сетевого мусора. Однако увлекательный роман Максима Бодягина о возможностях и опасностях осознанных сновидений демонстрирует огромный художественный потенциал этой темы.

Литература и источники

Бодягин М. Машина снов: роман. Челябинск, 2012. 412 с.

Брюсов В. Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1983. 368 с.

Гарфильд П. Путь к блаженству. Метод мандалы сновидений. М.: ТПИ, 1998. 272 с.

Келзер К. Солнце и тень. Мой эксперимент с осознаваемым сновидением. М.: ТПИ, 1997. 267 с.

Кондратьев Б.С. Сны в художественной системе Ф.М. Достоевского. Мифологический аспект. Арзамас: АГПИ, 2001. 268 с.

Лотман Ю.М. Сон – семиотическое окно // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2000. С. 123-126.

Машина снов Максима Бодягина // Миссия [Электронный ресурс]. Режим доступа: [\http://www.missiya.info/articles/2180](http://www.missiya.info/articles/2180)“\l„.VurvZdKLTGg (дата обращения 20.03.15).

Монро Р. Окончательное путешествие. Киев: София, 2002. 288 с.

Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. М.: МАКС-ПРЕСС, 2006. 280 с.

Тендзин В. Тибетская йога сна и сновидений. СПб.: Нартанг, 1999. 224 с.

Юнг К.Г. О синхронистичности // К.Г. Юнг. Синхронистичность. Москва: Рефл-бук., Киев: Ваклер, 1997. С. 179-194.

Edel, L. (1982). Staff of Sleep and Dreams. Experiments in literary psychology. New York: Harper and Row.

Krippner, S. (1978). Psychophysiology, con-

verging, operations, and alterations in consciousness // Presentation at an International Congress on the Unconscious, sponsored by the Georgian Academy of Sciences, Tbilisi, U.S.S.R.

LaBerge, S. (1985). *Lucid dreaming*. Los Angeles: J.P. Tarcher.

LaBerge, S. (1994). *The Stuff of Dreams*. *Anthropology of Consciousness*. V. 5 (3), pp. 28–30.

LaBerge, S. (2000). *Lucid dreaming: Evidence and methodology*. *Behavioral and Brain Sciences*. V. 23(6), pp. 962–964.

LaBerge, S., Rheingold, H. (1991). *Exploring the world of lucid dreaming*. New York: Ballantine.

Wapsonnic [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wapsonnik.ru/article.php?id=4616> (дата обращения 18.03.15).

References

Bodyagin, M. (2012). *Mashina snov: roman* [Dreams Machine: novel]. Chelyabinsk.

Brjusov, V. (1983). *Pomany I rasskazy* [Novels and short stories]. Moscow: Sovetskaya Rossia.

Edel, L. (1982). *Staff of Sleep and Dreams*. *Experiments in literary psychology*. New York: Harper and Row.

Garfield, P. (1998). *Put k blazhenstvu. Metod mandaly snovidenij* [Path to bliss. Mandala dreams Method]. Moscow: Transpersonal Institute.

Jung, K.G. (1997) *O sinhronistichnosti* [About synchronicity]. In: Jung, K.G. *Sinhronistichnost'*

[Synchronicity]. Moscow: Refl-book. Kiev: Vackler, pp. 179–194.

Kelzer, K. (1997). *Solntse I ten* [Sun and shadow. My experiment with consciously understood dream]. Moscow: Transpersonal Institute Publ.

Kondratiev, B. (2001). *Sny v hudozhestvennoy sisteme Fedora Dostoevskogo. Mifologicheskiy aspekt* [Dreams in the artistic system of Fyodor Dostoevsky. The mythological aspect]. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute Publ.

Krippner, S. (1978). *Psychophysiology, converging, operations, and alterations in consciousness*. Presentation at an International Congress on the Unconscious, sponsored by the Georgian Academy of Sciences, Tbilisi, U.S.S.R.

LaBerge, S. (1985). *Lucid dreaming*. Los Angeles: J. P. Tarcher.

LaBerge, S. (1994). *The Stuff of Dreams*. *Anthropology of Consciousness*. V.5 (3), pp. 28–30.

LaBerge, S. (2000). *Lucid dreaming: Evidence and methodology*. *Behavioral and Brain Sciences*. V. 23(6), pp. 962–964.

LaBerge, S., Rheingold, H. (1991). *Exploring the world of lucid dreaming*. New York: Ballantine.

Lotman, Ju. (2000). *Son – Semioticheskoe okno*. In: Lotman, Ju. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Peterburg: Iskusstvo: SPB, pp. 123–126.

Mashina snov Maksima Bodjagina [Dreams Machine of Maxim Bodjagin]. *Missiya* [Mission] Available at: <http://www.missiya.info/articles/2180> „\l „.VurvZdKLTGg (date of access

18.03.15).

Monroe, R. (2002). *Okonchatelnoe putestvie* [Final journey]. Kiev: Sofia.

Nagornaya, N. (2006). *Oneyrosfera v puskoj prose XX v.: Modernism, Postmodernism* [Oneyrosphere in Russian prose of the twentieth century: modernism, postmodernism]. Moscow: Max-Press.

Tenzin, W. (1999). *Tibetskaya joga sna i snovideniy* [Tibetan yoga of sleep and dreams]. Saint-Petersburg: Nartang.

Wapsonnic. Available from <http://wapsonnik.ru/article.php?id=4616> (date of access: 18.03.15).

**ONEYRONAUTICS AND MODERN ONEYRIC NOVEL
(IN THE EXAMPLE OF «DREAM MACHINE» BY M. BODYAGIN)**

Natalia A. Nagornaya, PhD, Associate Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
e-mail: nagor95@mail.ru.

Abstract. The article deals with the novel «Dreams Machine» by the contemporary Russian writer Maxim Bodyagin from the point of view of oneyronautics. A brief overview of the key interpretations of lucid dreaming in transpersonal psychology is given, as interdisciplinary studies of this phenomenon are rarely applied to literary texts. Bodyagin's narrative strategy aims at merging historical details with elements of alternative history, common facts and historical realia with fantastic and oneiric imagery. In the author's interpretation of the real historical prototype, the main character, Marco Polo, is shown as a great dreamer, gifted with a unique ability to travel along the layers of dream reality and other people's dreams. A special place in the novel is occupied by the «Dreams Machine» itself, which appears as both the means of transportation of consciousness to the world of dreams and a specific tool of animation. Thus, the text moves across the borders of the historical novel to the realm of themes and forms of oneyric text.

Key words: lucid dreams, oneyronautics, oneyric novel, dreams machine, Maxim Bodyagin.

